

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Морозова Т. И. Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы : причины, динамика, значение / Т. И. Морозова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 445—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-445-469.

Morozova, T. I. (2024). Suicides in Siberia from 1925 to 1937: Causes, Dynamics, and Significance. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 445-469. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-445-469. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы: причины, динамика, значение

Морозова Татьяна Игоревна

orcid.org/0000-0002-8601-1290

кандидат исторических наук,
научный сотрудник сектора истории
общественно-политического развития
mti137@yandex.ru

Институт истории
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Статья выполнена в рамках темы
государственного задания
Минобрнауки РФ
«Социум и власть в России
в XX — начале XXI века:
политическое участие,
коммуникация, идентичность
акторов» (FWZM-2024-0008)

Suicides in Siberia from 1925 to 1937: Causes, Dynamics, and Significance

Tatiana I. Morozova

orcid.org/0000-0002-8601-1290

PhD in History, Researcher,
Sector of the History of Social and
Political Development
mti137@yandex.ru

Institute of History
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

This article was written as part
of the theme of the state assignment
of the Ministry of Science
and Education of the Russian
Federation “Society and Power
in Russia in the 20th — early 21st century:
political participation, communication,
identity of the actors”
(FWZM-2024-0008)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предпринята попытка установить причины, проследить динамику и оценить значение самоубийств, совершенных в Сибирском и Западно-Сибирском краях в 1925–1937 годы. Источниковую базу исследования составили статистические сборники, протоколы заседаний и постановления партийных, советских и комсомольских органов, заключения специальных комиссий, делопроизводственная переписка, материалы периодической печати. На основе комплексного анализа разнородной информации показан рост численности самоубийств в Сибири, выяснен половозрастной и социально-профессиональный состав добровольно ушедших из жизни, определены способы и наиболее распространенные причины совершения суицида. Перечисленные параметры проанализированы в сравнении с аналогичными показателями по РСФСР и СССР, что позволило установить наличие региональной специфики. В статье опровергается утвердившаяся в историографии точка зрения, согласно которой ответственность за суицид возлагалась исключительно на самих самоубийц. На конкретном материале показано, что одним из значимых направлений борьбы с самоубийствами являлось привлечение к ответственности тех, кто своим действием или бездействием способствовал их совершению. Сделан вывод, что, не добившись реальных успехов в предотвращении самоубийств, высшее и краевое политическое руководство сумело, однако, создать иллюзию того, что это явление полностью изжито.

Ключевые слова:

суицидальное поведение; суицид; уровень самоубийств; политическая адаптация; политическая дезадаптация; Сибирский край; Западно-Сибирский край.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article attempts to establish the causes, trace the dynamics, and assess the significance of suicides that occurred in the Siberian and West Siberian regions between 1925 and 1937. The research is based on a diverse array of sources, including statistical compilations, minutes from meetings, resolutions from party, Soviet, and Komsomol bodies, reports from special commissions, administrative correspondence, and materials from periodical publications. Through a comprehensive analysis of this heterogeneous information, the article demonstrates an increase in the number of suicides in Siberia, elucidates the demographic and social-professional composition of those who voluntarily ended their lives, and identifies the methods employed as well as the most common reasons for suicide. These parameters are analyzed in comparison with similar indicators across the RSFSR and the USSR, revealing the presence of regional specificity. The article challenges the prevailing historiographical view that placed sole responsibility for suicides on the individuals themselves. It presents evidence that one significant avenue for combating suicides involved holding accountable those whose actions or inactions contributed to these tragic events. The conclusion drawn is that, despite failing to achieve tangible success in preventing suicides, the higher political leadership at both regional and provincial levels managed to create an illusion that this phenomenon had been entirely eradicated.

Key words:

suicidal behavior; suicide; suicide rate; political adaptation; political maladaptation; Siberian region; West Siberian region.

УДК 94:314.424.2(571.1/.5)“1925/1937”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-445-469

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы: причины, динамика, значение

© Морозова Т. И., 2024

1. Введение = Introduction

В большинстве цивилизованных обществ самоубийства принято считать социальной аномалией. Однако многочисленные и разнообразные исторические источники свидетельствуют, что практика добровольного ухода человека из жизни имела место почти у всех народов на всех этапах их существования.

Значимость и одновременно сложность этого феномена обусловили пристальный интерес к нему со стороны представителей самых разных научных дисциплин: криминалистики, медицины, психологии, социологии и девиантологии. На рубеже XIX—XX веков проблема самоубийств впервые стала рассматриваться также в исторической ретроспективе.

Важнейшим основанием для изучения суицидального поведения учеными-историками, по всей видимости, послужили выводы социологов о наличии непосредственной взаимосвязи между количеством добровольных смертей и состоянием общества в целом [Durkheim, 1897]. Выявление динамики численности самоубийств и установление наиболее распространенных причин суицида являются важными задачами исторического исследования, поскольку позволяют судить об адаптации или, напротив, дезадаптации населения к социальным и политическим реалиям на разных этапах развития общества.

В России в этом отношении особый интерес представляют два первых постреволюционных десятилетия, характеризовавшихся неоднократной и зачастую радикальной сменой политического курса. На это время пришлось широкомасштабная гражданская война, новая экономическая политика, коллективизация сельского хозяйства, форсированная индустриализация страны и развертывание массовых политических репрессий. К происходившим в это время общественно-политическим и социально-экономическим изменениям в той или иной степени были вынуждены приспосабливаться самые разные слои и когорты населения. Признаками крайней дезадаптации служили эмиграция из страны или во-

оруженное сопротивление советскому политическому режиму. Но наиболее радикальным её проявлением, несомненно, являлся добровольный уход из жизни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первые попытки изучения самоубийств в Советской России были предприняты созданным в 1919 году в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) отделом моральной статистики под руководством профессора М. Н. Гернета (подробнее см.: [Филиппов, 2015]). С начала 1920-х годов отдел приступил к регистрации завершённых самоубийств по специальным статистическим листкам (анкетам). Эти документы легли в основу четырех статистических сборников, аккумулировавших информацию о самоубийствах в РСФСР/СССР с группировкой по Москве и Ленинграду, другим городам и в сельской местности [Гернет, 1922; Гернет, 1927; Самоубийства в СССР..., 1927; Самоубийства в СССР..., 1929]. Сборники включали статистические сведения о возрасте, половой принадлежности, национальности, социальному статусу и уровню образования самоубийц, мотивах и способах суицидов, а также частоте их совершения в зависимости от месяца, дня недели и времени суток.

В начале 1930-х годов ЦСУ было упразднено, централизованный сбор информации о случаях добровольного ухода из жизни прекращен, а на изучение этой темы по идеологическим соображениям фактически было наложено табу. В результате к полноценному исследованию проблемы самоубийств в Советской России сначала отечественные, а потом и зарубежные ученые смогли приступить только после распада СССР.

В постсоветской историографии самоубийства, совершенные в 1920—1930-е годы, рассматривались с разных ракурсов: как одна из разновидностей девиантного поведения [Гилинский, 2013; Богданов, 2020], неотъемлемый элемент советской повседневности [Лебина, 1994; Лебина, 1999; Лебина, 2015; Василевский и др., 2016], фактор формирования советского некрологического дискурса [Малышева, 2017; Малышева, 2020], самостоятельное явление [Тяжелникова, 1998; Мирошникенко и др., 2021] или событие [Исаев, 2007; Базанов, 2018; Морозова, 2022]. Авторы, работавшие в русле девиантологии, в значительной мере опирались на статистические сборники под редакцией М. Н. Гернета, заимствовав из них не только фактический материал, но и основные параметры анализа. Выгодно отличаются в этом смысле исследования Н. Б. Лебиной и В. С. Тяжелниковой, использовавших в своей работе также делопроизводственные документы партийных и советских органов, материалы периодической печати, предсмертные записки и другие доступные источники. Значимое место в публикациях

обеих исследовательниц занимает проблема отношения к самоубийствам со стороны Советской власти. Оригинальный подход продемонстрировал американский историк Кеннет Мартин Пинноу, стремившийся выяснить, как к проблеме самоубийств в Советской России относилась судебно-медицинская экспертиза, органы статистического учета и Политуправление Рабоче-крестьянской Красной армии [Pinnow, 2010].

Несмотря на наличие расхождений между авторами по отдельным вопросам, можно утверждать, что в современной историографии сложилось довольно целостное представление о проблеме самоубийств в Советской России 1920-х годов. Так, было убедительно доказано, что на протяжении нэпа наблюдался последовательный и быстрый рост случаев добровольного ухода из жизни среди разных категорий населения, включая коммунистов и военнослужащих. Многочисленные причины самоубийств исследователи условно разделили на общечеловеческие (бытовые) и идеологические (расхождение большевистской идеологии с повседневной практикой). И первые, и вторые плохо вписывались в концепцию построения счастливого социалистического общества. Кроме того, факт самоубийства расценивался как проявление свободного выбора человеком собственной судьбы, что было категорически неприемлемо для Советской власти. Поэтому на протяжении 1920-х годов партийные и советские органы не просто собирали информацию о суицидах, но и пытались бороться с этим явлением, главным образом путем его публичного осуждения.

Более противоречива позиция исследователей по отношению к проблеме самоубийств в 1930-е годы. Соглашаясь с тем, что к началу нового десятилетия самоубийства стали рассматриваться как патология, аномалия, не характерная для социалистического общества, авторы акцентировали внимание на разных методах борьбы с этим явлением. В. С. Тяжельникова, например, полагала, что внедрение с конца 1920-х годов различных форм «спецобслуживания» для партийной номенклатуры было не чем иным, как попыткой минимизировать бытовые причины самоубийств среди коммунистов [Тяжельникова, 2011, с. 171]. Н. Б. Лебина неоднократно утверждала, что с начала 1930-х годов властные и идеологические структуры стали намеренно замалчивать сведения о суицидах, а в тех случаях, когда это не удавалось, возлагали вину за произошедшее на самого самоубийцу, выставляя его девиантом, социальное происхождение или идейные воззрения которого чужды советскому обществу [Лебина, 1994, с. 36; Лебина, 2015, с. 372—376]. Близка к этому точка зрения К. М. Пинноу, который пришел к выводу, что в 1930-е годы ответственность за самоубийства оказалась в принципе снята с общества и переложена на отдельного человека [Pinnow, 2010, с. 231—252].

Признавая существенный вклад предшественников в изучение проблемы самоубийств в Советской России, необходимо констатировать, что большинство упомянутых исследований выполнено преимущественно в территориальных рамках РСФСР / СССР. По всей видимости, единственной к настоящему времени попыткой проанализировать динамику суицидов в масштабе одной отдельно взятой области является совместная статья М. И. Мирошниченко и В. А. Журавлевой, посвященная самоубийствам на Урале в 1920-е годы [Мирошниченко, 2021]. Однако выявленный авторами статистический материал введен в научный оборот без сравнения с всероссийскими / всесоюзными показателями, а итоговые выводы носят исключительно формальный характер. Это значит, что вопрос о региональной специфике данного явления по-прежнему открыт.

Ответить на него попробуем в настоящей статье, посвященной проблеме самоубийств двух наиболее крупных административно-территориальных единицах РСФСР: Сибирском (1925—1930) и Западно-Сибирском (1930—1937) краях. Такой выбор территориальных и хронологических рамок исследования обусловлен стремлением глубже понять адаптивные возможности и психологическое состояние населения названных территорий, а также выяснить насколько отношение краевого партийно-советского руководства к проблеме самоубийств соответствовало установкам, задававшимся на вершине советской властной пирамиды.

Решение поставленных задач заметно осложняется состоянием источниковой базы. Наиболее информативные документы — анкеты, составлявшиеся в 1922—1929 годах на каждого отдельного самоубийцу, — направлялись в Москву. Отдел моральной статистики ЦСУ анализировал их в обобщенном виде, после чего публиковал сведения по СССР и входившим в него республикам без выделения более мелких административно-территориальных единиц. Учитывая, что исходные анкеты в настоящее время считаются утраченными, исследователи, по сути, оказались лишены возможности анализировать самоубийства в отдельных краях и областях РСФСР по целому ряду традиционных для этой темы параметров: социальный состав, уровень образования и семейное положение самоубийц, время, способ и мотивы совершения суицида.

Поэтому настоящее исследование в значительной мере основано на комплексном анализе разнородной информации. Она извлечена из хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области фондов Сибирского и Западно-Сибирского краевых комитетов ВКП(б) (П-2 и П-3), Сибирской краевой контрольной комиссии ВКП(б) (П-6), Сибирского краевого исполкома Советов (Р-47) и Западно-Сибирского краевого комитета ВЛКСМ (П-189), а также из окружной, губернской и краевой периодической печати.

Например, в результате изучения документов органов партийного контроля и годовых подшивок трех сибирских газет — «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Власть труда» (Иркутск) и «Красное знамя» (Томск) — удалось идентифицировать 79 из 526 сибиряков, скончавшихся в результате суицида в 1926 году. Одновременно были установлены еще 24 попытки добровольного ухода из жизни (16 человек были доставлены в больницы и восемь выжили), благодаря чему стало возможным составить представление о масштабах и характере не только завершенных, но и незавершенных самоубийств.

Выявленные в ходе исследования газетные публикации, материалы специальных комиссий по расследованию фактов самоубийства, доклады о состоянии тех или иных парторганизаций, протоколы заседаний партийных, советских и комсомольских органов, принятые по итогам этих заседаний постановления, делопроизводственная (в том числе секретная) переписка и другие источники не являются исчерпывающими, однако в целом позволяют ответить на поставленные вопросы или, в отдельных случаях, выдвинуть гипотезы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Самоубийства в Сибирском крае в 1925—1926 годах: количественные и качественные характеристики

Сибирский край был образован на основании постановления Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 года. К концу года в результате административно-территориальной реформы в его состав входили Ачинский, Барабинский, Барнаульский, Бийский, Каменский, Канский, Красноярский, Кузнецкий, Минусинский, Новониколаевский, Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Томский и Хакасский округа, Иркутская губерния и Ойротская автономная область.

В 1925 году на указанной территории проживало около 8,1 млн человек. К 1926 году численность населения Сибирского края почти достигла 8,5 млн. Из них ежегодно умирало около 218 тыс. человек (табл. 1).

На этом фоне количество завершенных (то есть окончившихся смертью) самоубийств выглядит незначительным. Однако изучение статистических сведений в динамике свидетельствует о быстром росте не только абсолютного числа, но и уровня самоубийств, под которым в настоящей статье подразумевается количество суицидов на 100 тыс. населения (табл. 1).

В масштабах РСФСР с 1925 по 1926 годы уровень самоубийств вырос с 6,3 до 6,4 [Гишинский, 213, с. 410]. Противоположную динамику ЦСУ фиксировало по Советскому Союзу в целом, оговариваясь, однако, что понижение уровня самоубийств в СССР с 8,6 в 1925 году до 7,8 в 1926 году могло быть следствием неточности данных [Самоубийства в СССР..., 1929,

Таблица 1

Смертность населения Сибири в результате суицида, 1925—1926 годы*
Mortality of the Siberian population due to suicide in 1925—1926

	Численность населения, чел.	Количество умерших, чел.		Уровень самоубийств (количество смертей на 100 тыс. населения)	Доля самоубийств от общего числа смертей, %
		всего	из них в результате суицида		
1925	8 089 379	218 101	416	5,1	0,19
1926	8 485 923	218 649	526	6,2	0,24

* Составлено по: [Естественное движение населения..., 1930, с. 36—40, 52].

с. 9]. Так или иначе в Сибирском крае в середине 1920-х годов уровень смертности в результате суицида, несмотря на наметившуюся тенденцию к его повышению, был ниже всероссийских и всесоюзных показателей.

Объяснение этой особенности, по всей видимости, следует искать в уровне урбанизации. Так, М. Н. Гернет утверждал, что города (не только в СССР, но и в других странах) «всегда служат значительно чаще местом совершения самоубийств, нежели сельские местности» [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 11]. Главная причина, вероятно, крылась в том, что городское общество, как правило, значительно более атомизировано, а одиночество, по утверждению социологов, является одной из важных предпосылок суицида. В сельской местности, напротив, имел место сдерживающий фактор: традиционный уклад, основанный на многовековой христианской традиции. Несмотря на антирелигиозную пропаганду, к середине 1920-х годов значительная часть крестьян всё ещё относилась к самоубийству как к тяжкому греху.

В Сибирском крае в 1926 году на 100 тыс. городского населения приходилось 22,9 самоубийств, что почти в шесть раз превышало аналогичный показатель по сельской местности (табл. 2). Однако столь высокий уровень самоубийств нивелировался малочисленностью городов и городских поселков, в которых проживало в общей сложности только 11,8 % жителей Сибирского края.

По-разному самоубийства распределялись также среди различных половозрастных групп. В 1926 году в Сибирском крае покончили с собой в общей сложности 366 мужчин и 160 женщин [Естественное движение населения..., 1930, с. 22]. То есть «мужские» самоубийства происходили в 2,3 раза чаще «женских». Такое же соотношение наблюдалось в масштабах РСФСР и СССР [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 8].

Таблица 2

Уровень самоубийств в городах и селах Сибирского края, 1926 год*

The suicide rate in cities and villages of the Siberian Krai in 1926

	Численность населения, чел.	Количество завершённых самоубийство, шт.	Уровень самоубийств
В городах	1 005 476	229	22,9
В сельской местности	7 480 447	297	4,0

* Составлено по: [Естественное движение населения..., 1930, с. 22, 36, 40].

Заведующий Центральной судебно-медицинской лабораторией Наркомздрава РСФСР Я. Л. Лейбович утверждал, что до Мировой войны в России мужчины прибегали к самоубийствам в четыре раза чаще женщин [Лейбович, 1923, с. 5]. Сокращение разрыва между «мужскими» и «женскими» самоубийствами Я. Л. Лейбович связывал с Октябрьской революцией 1917 года, объясняя его расширением прав женщин и в том числе более активным вовлечением их в общественно-политическую жизнь страны [Там же, с. 6].

Вероятно, по этой же причине представительницы женского пола в РСФСР чаще прибегали к самоубийствам в молодом и даже юном возрасте [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 38]. Аналогичная закономерность прослеживается по неполным данным сибирских ЗАГСов (табл. 3).

Таблица 3

Половозрастной состав самоубийц Сибирского края, 1926 год*

Sex and age composition of suicides in the Siberian Krai in 1926

Возраст	В сельской местности				В городах			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
до 14	8	3,6	1	1,3	3	2,1	1	1,2
15—19	18	8,2	11	14,3	7	4,8	25	30,1
20—24	23	10,5	11	14,3	22	15,1	23	27,7
25—29	23	10,5	5	6,5	18	12,3	13	15,7
30—39	22	10,0	9	11,7	16	11,0	10	12,0
40—49	28	12,7	5	6,5	21	14,4	6	7,2
50—59	17	7,7	2	2,6	10	6,8	0	0,0
60 и старше	27	12,3	1	1,3	9	6,2	0	0,0
нет сведений	54	24,5	32	41,6	40	27,4	5	6,0
Итого:	220	100,0	77	100,0	146	100,0	83	100,0

* Составлено по: [Естественное движение населения..., 1930, с. 22].

Более противоречивым выглядит возрастной состав самоубийц-мужчин. В масштабах РСФСР чаще лишали себя жизни молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет. Второе место и в городе, и в деревне, по данным ЦСУ, занимали мужчины, достигшие 30—39 лет [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 38], тогда как в Сибири, по данным ЗАГСов, в том же 1926 году возраст самоубийц мужского пола заметно отличался в зависимости от места проживания (табл. 3). В городах, например, суициды были наиболее распространены среди мужчин в возрасте от 20 до 24 и затем — от 40 до 49 лет, а в сельской местности — от 40 до 49, а также от 60 лет и старше.

Среди жителей Сибирского края, покончивших с собой в декабре 1925 — декабре 1926 годов, были рабочие и крестьяне, учителя и ученики, врачи и пациенты, милиционеры и преступники, коммунисты и беспартийные. Пожалуй, наиболее статусными из них оказались член президиума Киренского уездного комитета ВКП(б) Н. В. Овсянников (подробнее см.: [Морозова, 2022]), председатель Боготольского райисполкома Советов А. И. Старостин [ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 33], бывший заведующий томской конторой отделения газеты «Советская Сибирь» А. Л. Кюменкер [Самоубийство ..., 1926] и «старейший работник просвещения Сибири» П. И. Макушин [П. И. Макушин ..., 1926]. Таким образом, самоубийцы вовсе не были «идейно чуждыми элементами», какими их порой пыталась представить советская пропаганда [Богданов, 2020, с. 189].

Почти половина всех самоубийств в РСФСР в 1926 году была совершена через повешение [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 39], этот способ выбирали и мужчины, и женщины. Распространенность остальных способов имела гендерную специфику. Так, среди самоубийц-мужчин вторым по частоте было использование огнестрельного оружия. Право на его хранение и ношение к середине 1920-х годов официально имели военнослужащие, милиционеры, сотрудники органов ОГПУ, коммунисты и охотники. Представители других категорий населения зачастую владели оружием нелегально. На третьем месте, по статистике, оказалось отравление, затем по мере убывания — применение холодного оружия, утопление, намеренное попадание под транспорт и падение с высоты. Иначе выбирали способы самоубийства женщины. Второе место среди них в масштабах РСФСР занимало отравление различными веществами, третье — использование огнестрельного оружия, четвертое — утопление и только потом холодное оружие, попадание под транспорт и падение с высоты.

Сложнее ранжировать способы совершения самоубийств по частоте их использования в территориальных рамках Сибирского края. Отсутствие статистики самоубийств по способам их совершения в Сибири удалось ча-

стично компенсировать выборкой, составленной по материалам краевой контрольной комиссии ВКП(б) и трех сибирских газет (табл. 4).

Таблица 4

Попытки суицида в Сибирском крае по способу совершения, 1926 год*
Suicide attempts in the Siberian Krai by method of execution in 1926

	Завершенные (кол-во скончавшихся)			С неизвестным исходом (кол-во попавших в больницу)			Неудачные (кол-во выживших)			Всего попы- ток
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	
Повешение	15	8	23	1	1	2	2	0	2	27
Отравление	6	11	17	1	10	11	0	2	2	30
Использование огнестрельного оружия	13	3	16	1	1	2	0	0	0	18
Утопление	4	0	4	0	0	0	1	2	3	7
Использование холодного ору- жия	2	2	4	1	0	1	0	0	0	5
Попадание под транспорт	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Нет сведений	11	3	14	0	0	0	0	1	1	15
Итого:	52	27	79	4	12	16	3	5	8	103

* Составлено по: [ГАНУ, ф. П-6, оп. 1, д. 248, 253; Власть труда, 1926, №№ 4, 11, 30, 32, 38, 45, 49, 72, 74, 77, 78, 81, 104, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150, 155, 162, 171, 176, 257, 265; Красное знамя, 1926, №№ 4, 10, 14, 17, 24, 28, 44, 45, 54, 61, 64, 74, 75, 96, 100, 111, 120, 146, 152, 168, 174, 175, 185, 186, 188, 205, 220, 247, 253, 258; Советская Сибирь, 1926, №№ 4, 6, 16, 36, 56, 61, 102, 112, 118, 128, 133, 135, 142, 143, 145, 176, 179, 207, 214, 242].

Анализ выявленных сведений позволяет предположить, что большое число самоубийств через повешение во многом было связано с надежностью данного способа. Из 27 человек, пытавшихся покончить с собой таким образом, только двое были спасены и двое доставлены в больницу, причем один — в тяжелом состоянии (табл. 4).

Еще чаще желающие свести счеты с жизнью прибегали к отравлениям различными веществами: от обычной уксусной эссенции, широко применявшейся для консервирования продуктов и потому имевшейся почти в каждом доме, до стрихнина, цианистого калия и прочих ядов. Однако почти половине отравившихся была оказана медицинская помощь, что заметно снижало число завершенных самоубийств, осуществленных таким способом (табл. 4).

Приведенные цифры также свидетельствуют, что в Сибири, как в РСФСР, отравления были более распространены среди женщин, применение огнестрельного оружия — среди мужчин. Региональной особенностью можно считать отсутствие случаев падения с высоты: объективной причиной этого служила малоэтажная застройка большинства сибирских городов.

Серьезную проблему для исследователей представляет выяснение мотивов самоубийств: в одних случаях они не были установлены следствием, в других — намеренно скрывались, что негативно отразилось на состоянии источниковой базы. Так, отдел моральной статистики ЦСУ, проанализировав анкеты, содержащие информацию о 6410 самоубийствах, совершенных в 1926 году в СССР (без учета Грузии и Украинской ССР), обнаружил информацию о мотивах только 1796 из них, что составило всего 28 % [Самоубийства в СССР ..., 1929, с. 41]. Перечень включал «душевные и нервные расстройства и болезни» (8,2 %), «физические болезни и страдания» (4,2 %), «семейные неприятности» (3,4 %), «отвращение к жизни, разочарование в ней» (2,8 %), «любовь и ревность» (2,7 %), «материальные лишения» (2,6 %), «раскаяние, стыд, боязнь наказания» (2,0 %), «горе и обиды» (1,8 %) и «изменение материального положения» (0,3 %). Тем самым официальная статистика объясняла суициды прежде всего морально-психологическим и физиологическим состоянием самоубийц, реже — социально-экономическими проблемами. Вероятность добровольного ухода из жизни в результате политической дезадаптации (недовольства действующим политическим режимом, несогласия с политикой партии и государства и т. п.) по понятным причинам не допускалась.

Сведения по Сибири также отличаются неполнотой и субъективизмом. Выявленные источники содержат информацию о мотивах совершения только 25 из 79 завершенных самоубийств (31,7 %). В их числе — ревность (8,9 %), семейные или личные неурядицы (7,6 %), обвинение в растрате или мошенничестве (5,1 %), болезнь (3,8 %), психическое расстройство (2,5 %) и систематическое пьянство (1,3 %). Публикация такого рода сведений в периодической печати, по всей видимости, должна была подтолкнуть читателя к мысли, что самоубийство — поступок, как минимум, неуравновешенного или нездорового человека, как максимум — преступника.

Однако по меньшей мере два из 79 случаев (2,5 %) выделяются из общего ряда. Первый из них — самоубийство некоего Новикова, совершенное в Новониколаевске 20 января 1926 года. Процитированная «Советской Сибирью» предсмертная записка гласила: «Ввиду нового быта (жена не пускает), на выборном собрании присутствовать не мог и, считая это за позор, решил умереть» [Серп ..., 1926]. Второй случай произошел в Хакасском округе 19 апреля 1926 года, когда покончил с собой учитель шко-

лы второй ступени, коммунист с 1919 года И. А. Яковлев. Партколлегия Сибирской краевой контрольной комиссии впоследствии установила, что причинами суицида стали «перегруженность» И. А. Яковлева работой, «чрезмерная требовательность» к нему со стороны районного комитета партии, «отсутствие товарищеской поддержки со стороны самого райкома, а также отдельных членов ВКП(б)» [ГАНУ, ф. П-6, оп. 1, д. 253, л. 474—475]. Еще до заключения партколлегии Хакасский окружком партии пришел к аналогичным выводам и снял с работы секретаря райкома и нескольких сотрудников его аппарата.

Приведенные факты дают основания полагать, что за «семейными и личными неурядицами» порой скрывалась неспособность человека адаптироваться к текущим общественно-политическим реалиям. Еще важнее, что это осознавало партийно-советское руководство разных уровней, контролировавшее работу по выявлению и наказанию тех, кто своим действием или бездействием способствовал суициду.

3.2. Борьба с самоубийствами и ее влияние на динамику суицидов в Сибирском крае в 1927—1930 годах

Начиная с 1922 года в Советской России существовала уголовная ответственность за «содействие или подговор к самоубийству» несовершеннолетних или лиц, неспособных «понимать свойства или значение... совершаемого или руководить своими поступками» [Уголовный кодекс..., 1922, с. 20]. Наказание по этой статье предполагало лишение свободы на срок до трех лет. Однако в силу узости формулировок применялась она крайне редко. Например, в 1926 году за содействие и подговор к самоубийству в РСФСР были осуждены всего 11 человек [Статистика осужденных..., 1930, с. 90].

С 1 января 1927 года вступил в силу новый Уголовный кодекс. В измененной редакции вышеприведенная статья была не просто сохранена, но и существенно дополнена. Отныне уголовная ответственность вводилась также за «доведение... до самоубийства или покушения на него» не только несовершеннолетних и недееспособных граждан, но вообще любого человека, «находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица» [Уголовный кодекс..., 1926, с. 38]. Наказание по этой части статьи предполагало лишение свободы на срок до пяти лет.

Коммунисты, уличенные в доведении до самоубийства, подвергались в первую очередь партийно-советским взысканиям. Наиболее серьезным являлось исключение из РКП(б)–ВКП(б), после чего могла наступить и уголовная ответственность.

Особое внимание партийно-советское руководство уделяло самоубийствам, совершенным непосредственно коммунистами. Секретарь парткол-

легии Центральной контрольной комиссии РКП(б) Е. М. Ярославский, выступая на пленуме ЦКК в октябре 1924 года, в качестве главной причины суицида членов РКП(б) назвал их «отрыв от партии». Полагая, что «кончают самоубийством люди усталые, ослабленные», Е. М. Ярославский предлагал, во-первых, «сурово осудить факты самоубийства», во-вторых, добиться установления в коммунистической среде «внимательного отношения к живым товарищам, попавшим в трудное положение» [Ярославский, 1925, с. 23].

Своеобразным способом профилактики суицидов среди населения являлось освещение отдельных случаев в периодической печати. Окружные, губернские и краевые газеты, публикуя краткие сообщения о добровольном уходе из жизни того или иного человека, наряду с его фамилией указывали зачастую способ, обстоятельства и даже адрес совершения самоубийства, лишая данный акт какой бы то ни было интимности. Неудачные покушения порой описывались с явной издевкой [Упорный самоубийца ..., 1927; Упрямый самоубийца ..., 1928]. Таким образом, самоубийства должны были стать предметом не только обсуждения и осуждения, но и насмешки.

Однако усилия властей по борьбе с самоубийствами не давали заметного эффекта. 23 июля 1927 года «Советская Сибирь» сообщала, что в Новосибирске «каждодневно в скорую помощь привозят одного или двух человек, покушавшихся на свою жизнь» [Самоубийства ..., 1927, 23 июля]. Официальная статистика, обнародованная Сибирским краевым плановым управлением в начале 1930 года, свидетельствует о быстром росте не только абсолютного числа, но и уровня самоубийств (табл. 5).

Таблица 5

Смертность населения Сибири в результате суицида, 1927—1929 годы*
Mortality of the Siberian population due to suicide in 1927—1929

	Численность населения, чел.	Количество умерших, чел.		Уровень самоубийств (количество на 100 тыс. населения)	Доля самоубийств от общего числа смертей, %
		всего	из них покончили самоубийством		
1927	8 879 354	217 121	598	6,7	0,28
1928	9 260 603	210 414 **	660	7,1	0,32
1929	9 694 471	213 278 **	346 ***	н/д	н/д

* Составлено по: [Сибирский край..., 1930, с. 16—17, 802].

** Рассчитано на основе сведений о количестве умерших на 1000 жителей.

*** Данные за первое полугодие 1929 года.

Из 598 человек, покончивших с собой в 1927 году, 428 были мужчинами (71,6 %) и 170 женщинами (28,4 %). В последующие полтора года это соотношение изменилось в сторону увеличения доли «женских» суицидов: 214 случаев, или 32,4 % — в 1928 году и 115 случаев, или 33,2 % — в первой половине 1929 года [Сибирский край..., 1930, с. 802].

Следуя логике Я. Л. Лейбовича, данную тенденцию уместно объяснить дальнейшей эмансипацией женщин в СССР, а точнее — массовым нарушением тех прав, которые женщины стали считать своими. В декабре 1927 года, например, «Советская Сибирь» сообщала, что из-за отсутствия общежития при Томском медицинском техникуме его «стипендиаткам приходится ютиться в невозможных условиях на частных квартирах, где квартирохозяйки из многих сделали домашних работниц, эксплуатируя студентов за сданные на “льготных условиях” углы». По сведениям томского корреспондента, как минимум одна студентка на этой почве покончила с собой [Тяжелое материальное положение ..., 1927]. Три недели спустя в Новосибирске к одному году и двум месяцам лишения свободы был приговорен милиционер ведомственной милиции И. Гилев, осужденный за доведение до самоубийства своей жены [Довел до петли, 1927].

Рост уровня самоубийств в целом, несомненно, являлся признаком нараставшей социальной и политической дезадаптации среди самых разных когорт, категорий и слоев населения. Наиболее неожиданными в 1927—1928 годах стали самоубийства пожилого крестьянина И. И. Заверткина, лично знакомого с В. И. Лениным со времен шушенской ссылки вождя [Смерть Заверткина, 1927], и директора мыловаренного завода Сибирского краевого союза кооперации П. М. Жаркова [Исаев, 2007].

Самоубийства в принципе и особенно самоубийства лиц, считавшихся опорой действующего режима, дискредитировали советский строй. Возможно, именно поэтому после ликвидации ЦСУ в начале 1930 года и передачи основных его функций экономико-статистическому сектору Госплана СССР централизованный учет суицидов фактически был прекращен. С тех пор требование заполнять анкеты на каждого самоубийцу оставалось обязательным только для лечебных заведений [Справочник ..., 1931, с. 239—240]. Оттуда анкеты направлялись в Народный комиссариат здравоохранения, где они анализировались преимущественно с медицинской точки зрения. В результате начиная с середины 1929 года установить динамику и определить уровень самоубийств в Сибири не представляется возможным.

Вместе с тем анализ косвенных источников позволяет утверждать, что на рубеже 1929—1930 годов сибиряки нередко сводили счеты с жизнью не только по семейно-бытовым и социально-экономическим, но и по общественно-политическим причинам. Важным триггером для этого послужили

ли две масштабные чистки: советских учреждений и партийных рядов. Связь суицидов с этими кампаниями редко выносилась на страницы периодической печати, но с особой тщательностью изучалась органами партийного и советского контроля (см., например: [ГАНО, ф. П-2, оп. 4, д. 35, л. 52—53, 90—91]).

3.3. Самоубийства в Западно-Сибирском крае (август 1930 — сентябрь 1937)

Летом 1930 года Сибирь подверглась очередной административно-территориальной реформе. В соответствии с постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 года из 13 округов Сибирского края и входившей в его состав Ойротской автономной области был образован Западно-Сибирский край. Следующим шагом стала ликвидация округов и установление прямой связи краевого партийно-советского руководства со 172 районами, в которых проживало в общей сложности около 8,1 млн человек.

Реформирование административно-территориального устройства Сибири хронологически совпало с изменением подхода Советской власти к проблеме самоубийств. Не добившись успехов в борьбе с суицидом как таковым, партийно-советское руководство разных уровней стало искать пути минимизации связанного с этим явлением идеологического ущерба.

На протяжении 1931—1932 годов «Советская Сибирь» изобиловала сообщениями об «эпидемии самоубийств» в Германии, Польше, США, Франции и Японии. Причинами суицидального поведения граждан за рубежом газета называла массовую безработицу, голод и нужду.

В то же время периодическая печать перешла к тактике замалчивания фактов добровольного ухода из жизни советских граждан. Как справедливо полагают Н. Б. Лебина и К. М. Пинноу, в 1930-е годы самоубийства в РСФСР стали рассматриваться как не свойственная советскому строю аномалия. Поддерживать данную версию было возможно только путем сокрытия информации о массовости этого явления.

В реальности же число и уровень самоубийств в РСФСР в целом и в Западно-Сибирском крае в частности, по всей вероятности, продолжали расти. В условиях отсутствия статистических сведений основанием для такого утверждения служат источники, свидетельствующие о повышенном внимании к проблеме самоубийств со стороны партийных, советских и правоохранительных органов. Если за всю вторую половину 1920-х годов бюро краевого партийного комитета касалось проблемы самоубийств только дважды, то к середине 1930-х годов обсуждение таких вопросов приобрело относительно регулярный характер.

Еще одним подтверждением гипотезы о заметном росте числа и уровня самоубийств в Сибири является докладная записка, под грифом «совершен-

но секретно» поступившая в Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б) в марте 1935 года. Из нее следовало, что только в одном Барабинском (с марта 1935 года — Куйбышевском) районе за 1934 — начало 1935 года покончил с собой 31 человек: пять колхозников, пять служащих различных учреждений, четыре ответственных работника, три студента, три крестьянина-единоличника, три пенсионера, инженер, кустарь, рабочий, учительница и четверо неизвестных [ГАНУ, ф. П-3, оп. 1, д. 645, л. 109—110]. Приведенный перечень убедительно свидетельствует, что едва ли ни большей проблемой, чем рост численности самоубийств, являлся социальный состав сводивших счета с жизнью.

Пожалуй, одним из наиболее резонансных стало произошедшее 4 октября 1934 года самоубийство директора сельскохозяйственного предприятия Кемеровского комбинатостроя Т. К. Войтенко — коммуниста с 1918 года, кандидата в члены Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Неординарности этому случаю добавляло то, что Т. К. Войтенко застрелился в своем рабочем кабинете по сути во время допроса по факту срыва уборочной компании: в тот момент, когда следователь оставила его без присмотра. В секретной докладной записке, пять дней спустя направленной краевым прокурором И. И. Барковым председателю Западно-Сибирского крайисполкома Советов Ф. П. Грядинскому, главной причиной самоубийства было объявлено «нежелание [подозреваемого] предстать перед судом» [ГАНУ, ф. Р-47, оп. 5, д. 192, л. 147].

Опасения Т. К. Войтенко были более чем обоснованны. Осенью 1934 года по делам, связанным с хлебоуборочной или хлебозаготовительной кампаниями, нарсудами Западно-Сибирского края наряду с крестьянами-единоличниками были осуждены также 160 рабочих совхозов и машинотракторных станций, 1048 колхозников и 1900 должностных лиц. В числе последних — председатели колхозов, совхозов и сельсоветов, «за невыполнение плана зернопоставки» снятые со своих постов, исключенные из партии и приговоренные, нередко в ходе показательных процессов, к лишению свободы на сроки от полутора до пяти лет [ГАНУ, ф. Р-47, оп. 5, д. 192, л. 122—125, 178].

На этом фоне в течение 1935 года самоубийства совершили начальник политотдела 164-го мясомолочного совхоза Жирков [ГАНУ, ф. П-3, оп. 1, д. 629, л. 5, 61], председатель колхоза «Прогресс» Купинского района, делегат второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников П. И. Воеводин [Там же, л. 2, 68—71], председатель колхоза «Верный путь» Маслянинского района, коммунист с 1932 года Н. И. Панов [ГАНУ, ф. П-3, оп. 1, д. 678, л. 176], ударница-доярка 230-го совхоза Солонешенского района, член ВЛКСМ с 1934 года Е. А. Крючкова [ГАНУ, ф. П-189, оп. 1, д. 801, л. 27—28].

Иначе говоря, пока советская пропаганда пыталась утвердить в обществе представление о суициде как о важнейшем признаке кризиса капитализма, внутри РСФСР, в том числе в Западной Сибири, всё чаще сводили счёты с жизнью именно те, кого считали непосредственными строителями социализма.

Краевое партийно-советское руководство, по всей видимости, не только осознавало данное противоречие, но искренне стремилось его разрешить. Докладные записки и спецсообщения краевого прокурора, протоколы заседаний и постановления бюро Запсибкрайкома ВКП(б), а также обвинительные заключения за 1933—1937 годы убедительно опровергают сложившееся в историографии представление о том, что ответственность за суицид возлагалась исключительно на самих самоубийц.

Стремясь остановить волну суицида в колхозах и совхозах, партийные и государственные органы вели работу по установлению обстоятельств произошедшего и поиску виновных. Так, ответственными за самоубийство П. И. Воеводина бюро Запсибкрайкома ВКП(б) признало секретаря Купинского райкома ВКП(б) Ленкова и председателя одноименного райисполкома Советов Шипицына. «За полную потерю классово-бдительности, преступное администрирование в руководстве колхозами, за травлю и шельмование» П.И. Воеводина оба были сняты с работы и исключены из ВКП(б). Членам бюро райкома за «полную бездеятельность» и «непринятие мер против травли тов. Воеводина» в соответствии с постановлением бюро Запсибкрайкома от 31 мая 1935 года был объявлен выговор [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 629, л. 70].

Несколько дней спустя, 2 июня, в «Советской Сибири» вышла заметка, в которой «купинские руководители» обвинялись в «нечуткости к живому человеку» и доведении до самоубийства «лучшего борца за колхозное дело». 18 июня в той же газете были опубликованы передовая статья «Уроки купинского дела» и полный текст вышеупомянутого постановления. Тем самым самоубийство П. И. Воеводина было предано огласке, а наказание виновных носило максимально демонстративный характер.

Довольно быстро логика Запсибкрайкома ВКП(б) была усвоена на местах. В декабре 1935 года, например, анализируя самоубийство доярки Е. А. Крюковой, сначала бюро Солонешенского райкома, а затем помощник начальника политотдела по комсомолу совхоза № 230 В. Шанаев пришли к выводу, что гибель Е. А. Крюковой являлась ничем иным, как «результатом политической близорукости комсомольской организации» [ГАНО, ф. П-189, оп. 1, д. 801, л. 27].

Добровольный уход из жизни комсомольцев и/или студентов беспокоил партийное руководство разных уровней едва ли не больше, чем само-

убийства председателей колхозов. Между тем в Западно-Сибирском крае в середине 1930-х годов такие случаи были далеко не единичными.

В феврале 1934 года в Коммунарском золотодобывающем районе застрелился член ВЛКСМ, преподаватель истории и обществознания фабрично-заводской девятилетней школы В. С. Ляпунов, сознательно отравились цианатом натрия молодые комсомолки, работницы Балахтинской амальгационной фабрики Афиногенова и Фарина [ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 192, л. 2—3]. В феврале 1935 года покончила с собой студентка зооветтехникума Асафова, в апреле того же года — студент Куйбышевского педагогического техникума Рыбаков, в марте — апреле 1936 года — студентка фармацевтического техникума в г. Томске О. Веникова и ученик Троицкой средней школы Н. Смирнов — оба кандидаты в члены ВЛКСМ [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 645, л. 97—98; П-189, оп. 1, д. 801, л. 1—12, 22—24].

Партийное и комсомольское руководство, указывая в ряде случаев на незрелость и неустойчивость юных самоубийц, зачастую вменяло произошедшее в вину педагогическому составу образовательного учреждения, не сумевшему обеспечить должное воспитание и тем самым предотвратить трагедию. Реже ответственность возлагалась на руководителей комсомольских организаций или родителей, не проявивших должного участия или, напротив, оказывавших на юношей и девушек избыточное давление.

4. Заключение = Conclusions

Самоубийства, то и дело случающиеся в любом обществе, к середине 1920-х годов стали почти неотъемлемой частью советской повседневности. Мужчины и женщины, взрослые и дети, рабочие и крестьяне, коммунисты и беспартийные, оказавшись в отчаянном положении, нередко сводили счёты с жизнью. Не менее 15 % всех завершённых самоубийств, произошедших в Сибири в 1926 году, освещались в периодической печати, информация об остальных циркулировала в обществе в виде слухов и пересудов.

Суицидальному поведению сибиряков способствовали личные и семейные неурядицы, тяжелое материально-бытовое положение, их социальная и политическая дезадаптация. Влияние названных факторов усиливалось по мере свертывания нэпа, начала ускоренной индустриализации страны, массовой коллективизации сельского хозяйства и усиления репрессивной политики в целом.

За время существования Сибирского края число ежегодно совершаемых самоубийств выросло не менее чем в полтора раза. Однако по сравнению с РСФСР уровень самоубийств в Сибири выглядел относительно невысоким. Причины этого, по всей видимости, крылись в составе и менталитете населения. От 80 до 90 % жителей Сибирского края составляли крестьяне,

большинство — беспартийные, не успевшие полностью порвать с традиционным укладом жизни, основанным на христианских ценностях и нормах.

Возможно, поэтому с 1925 по 1928 годы доля самоубийств в структуре смертности населения Сибири с 0,19 выросла только до 0,32 %. Для сравнения — процент умерших в результате несчастного случая, убийства или иных внешних факторов за тот же промежуток времени увеличился приблизительно с 1,2 до 1,9 % [Естественное движение..., 1930, с. 49]. Основной причиной смерти сибиряков на всем протяжении исследуемого периода являлись различные хронические и заразные заболевания. Таким образом, самоубийства не оказывали существенного влияния на демографические параметры населения Сибири.

Пристальное внимание к суицидам со стороны Советской власти было вызвано не столько опасениями за здоровье общества, сколько заботой о собственной репутации. Самоубийства учеников и учителей, ударников и инженеров, председателей колхозов и совхозов, ответственных работников и рядовых членов ВКП(б) подрывали доверие общества к советской политической системе. Поэтому на протяжении 1930—1937 годов партийные и государственные органы прикладывали почти равные усилия к тому, чтобы, с одной стороны, снизить реальный уровень самоубийств, а с другой — утвердить представление о практически полном искоренении этого явления в СССР.

Отсутствие данных моральной статистики за 1930-е годы не позволяет в должной мере оценить успехи высшего и краевого политического руководства в решении первой задачи. Протоколы и постановления бюро Запсибкрайкома ВКП(б) свидетельствуют, что новые самоубийства совершались, а их расследования продолжались как минимум до 1937 года, когда Западная Сибирь была разделена на Новосибирскую область и Алтайский край.

Гораздо больших успехов партийные и советские органы достигли на идеологическом поприще. После принятия VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов в декабре 1936 года новой Конституции, объявившей о построении социализма СССР, советские газеты перестали упоминать о случаях добровольного ухода из жизни. В первый день 1937 года «Советская Сибирь» презентовала читателям обновленную социально-политическую реальность, не вмещавшую в себя даже теоретическую возможность суицида: «В стране, над которой реет победное знамя великой Сталинской Конституции, люди заранее знают, что их завтрашний день будет еще прекраснее вчерашнего».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Власть труда* (Иркутск) : [газета]. — 1926. — №№ 4, 11, 30, 32, 38, 45, 49, 72, 74, 77, 78, 81, 104, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150, 155, 162, 171, 176, 257, 265.
2. ГАНО — Государственный архив Новосибирской области, Ф. П-2 (Сибирский краевой комитет ВКП(б)), Оп. 4, Д. 35 ; Ф. П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)), Оп. 1, Д. 629, 645, 678 ; Ф. П-6 (Сибирская краевая контрольная комиссия ВКП(б)), Оп. 1, Д. 248, 253 ; Ф. П-189 (Западно-Сибирский краевой комитет ВЛКСМ), Оп. 1, Д. 801 ; ГАНО, Ф. Р-47 (Сибирский краевой исполком Советов), Оп. 5, Д. 33, 192.
3. *Гернет М. Н.* Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств) : пособие для статистиков и криминалистов / М. Н. Гернет. — Москва : Центр. стат. упр., 1922. — 269 с.
4. *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после неё / М. Н. Гернет. — Москва : ЦСУ, 1927. — 270 с.
5. *Довел до петли* // Советская Сибирь (Новосибирск) : [газета]. — 1927. — № 296. — С. 3.
6. *Естественное движение населения в Сибкрае за 1925—1927 гг.* — Новосибирск : Сибкрайлит, 1930. — 95 с.
7. *Красное знамя* (Томск) : [газета]. — 1926. — №№ 4, 10, 14, 17, 24, 28, 44, 45, 54, 61, 64, 74, 75, 96, 100, 111, 120, 146, 152, 168, 174, 175, 185, 186, 188, 205, 220, 247, 253, 258.
8. *Лейбович Я.* 1000 современных самоубийств (социологический очерк) / Я. Лейбович. — Москва : Главлит, 1923. — 20 с.
9. *П. И. Макушин* // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 128. — С. 1.
10. *Самоубийства* // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 166. — С. 4.
11. *Самоубийства в СССР. 1922—1925.* Труды ЦСУ СССР. Отдел моральной статистики. — Москва : [б. и.], 1927. — 77 с.
12. *Самоубийства в СССР в 1925—1926.* ЦСУ. Сектор социальной статистики. — Москва : [б. и.], 1929. — 57 с.
13. *Самоубийство* // Красное знамя : [газета]. — 1926. — № 120. — С. 4.
14. *Серп.* Приняты меры (к сведению всех избирателей) // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 16. — С. 9.
15. *Сибирский край* : статистический справочник. — Новосибирск : [б. и.], 1930. — 805 с.
16. *Смерть Заверткина* // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 40. — С. 2.
17. *Советская Сибирь* : [газета]. — 1926. — №№ 4, 6, 16, 36, 56, 61, 102, 112, 118, 128, 133, 135, 142, 143, 145, 176, 179, 207, 214, 242.
18. *Справочник по судебно-медицинской экспертизе для врачей, работников расследования и судей* / сост. проф. Я. Л. Лейбович. — Москва : Государственное медицинское издательство, 1931. — 272 с.
19. *Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг.* — Москва : [б. и.], 1930. — 256 с.
20. *Тяжелое материальное положение медтехникума* // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 279. — С. 3.
21. *Уголовный кодекс РСФСР.* — Омск : Издание Омского Губернского Отдела Юстиции, 1922. — 30 с.
22. *Уголовный Кодекс РСФСР* редакции 1926 года. — Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. — 78 с.
23. *Упорный самоубийца* // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 77. — С. 6.

24. *Упрямый самоубийца* // Советская Сибирь : [газета]. — 1928. — № 9. — С. 4.
25. *Ярославский Ем.* О партэтике : доклад тов. Ярославского на пленуме ЦКК, изд. 3-е. — Ленинград : Изд-во Кубуч, 1925. — 30 с.

Литература

1. *Базанов М. А.* Самоубийство Бориса Яковлевича Елькина : один из эпизодов борьбы с левой оппозицией в г. Челябинске (1927 г.) / М. А. Базанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2018. — № 2. — С. 46—63.
2. *Богданов С. В.* За фасадом нэповской России : преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, самоубийства : монография / С. В. Богданов. — Москва : РУСАЙНС, 2020. — 274 с. — ISBN 9785466024654.
3. *Василевский В. П.* Суицид среди сотрудников советских спецслужб в 1920-е гг. (на примере Омского окружного отдела ОГПУ) / В. П. Василевский, А. В. Сушко // *Вопросы истории*. — 2016. — № 6. — С. 121—127.
4. *Гилинский Я.* Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» : монография / Я. Гилинский; 3-е издание, исправленное и дополненное. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. — 634 с. — ISBN 978-5-905966-15-6.
5. *Исаев В. И.* Жизнь и смерть инженера Петра Михайловича Жаркова / В. И. Исаев // *Личность в истории Сибири XVIII—XX веков* : сборник биографических очерков. — Новосибирск : ИД Сова, 2007. — С. 235—248.
6. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность : нормы и аномалии о военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. — Москва : НЛЮ, 2015. — 483 с. — ISBN 978-5-4448-1950-0.
7. *Лебина Н. Б.* Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов / Н. Б. Лебина // *Вопросы истории*. — 1994. — № 2. — С. 30—42.
8. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920—1930-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Нева, 1999. — 320 с. — ISBN 5-87516-133-7.
9. *Малышева С. Ю.* «Лучше, когда это решено для всех» : индивидуальное и социальное в осмыслении смерти в записках Л. Я. Гинзбург 1920—1940-х гг. / С. Ю. Малышева // *Уральский исторический вестник*. — 2020. — № 4 (69). — С. 127—135. — DOI: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-127-135.
10. *Малышева С. Ю.* «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий / С. Ю. Малышева // *Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований* : сборник научных трудов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 103—110. — ISBN 978-5-7996-2273-2.
11. *Мирошниченко М. И.* Историко-демографический анализ самоубийств на Урале в 1920-е годы / М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлева // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. — 2021. — Т. 21. — № 4. — С. 22—29. — DOI 10.14529/ssh210403.
12. *Морозова Т. И.* «...До смерти хочется стать секретарем укома». Борьба за власть в Киренском уезде Иркутской губернии (сентябрь — декабрь 1925 года) / Т. И. Морозова // *Исторический курьер*. — 2022. — № 6 (26). — С. 39—54. — DOI: 10.31518/2618-9100.
13. *Тяжельникова В. С.* Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. / В. С. Тяжельникова // *Отечественная история*. — 1998. — № 6. — С. 158—173.

14. Филиппов П. А. Профессор Гернет Михаил Николаевич : жизнь и научно-творческая деятельность / П. А. Филиппов. — Москва : ИКД Зерцало-М, 2015. — 88 с. — ISBN 978-5-94373-321-5.

15. Durkheim E. Le suicide : etude de sociologie / E. Durkheim. — Paris, 1897. — 462 p.

16. Pinnow K. M. Lost to the collective : suicide and the promise of Soviet socialism, 1921—1929 / K. M. Pinnow. — Ithaca ; London : Cornell univ. press, 2010. — XI, 276 p. — ISBN 978-0-8014-4766-2.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024,
одобрена после рецензирования 06.09.2024,
подготовлена к публикации 19.09.2024.

Material resources

Criminal Code of the RSFSR, edited in 1926. (1926). Moscow: Legal Publishing House of the NKYU RSFSR. 78 p. (In Russ.).

Criminal Code of the RSFSR. (1922). Omsk: Edition of the Omsk Provincial Department of Justice. 30 p. (In Russ.).

GANO — *State Archive of the Novosibirsk Region.* (In Russ.).

Gernet, M. N. (1927). *Crime and suicide during the war and after it.* Moscow: CSU. 270 p. (In Russ.).

Gernet, M. N. (1922). *Moral statistics (criminal statistics and suicide statistics): a handbook for statisticians and criminologists.* Moscow: The Center. stat. upr. 269 p. (In Russ.).

Death of Zaverkin. (1927). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 40: 2. (In Russ.).

Difficult financial situation of the medical college. (1927). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 279: 3. (In Russ.).

Dvoyl do petli (1927). In: *Sovetskaya Sibir' (Novosibirsk)*, n. 296. (In Russ.).

Krasnoye znamya (Tomsk). (1926). №№ 4, 10, 14, 17, 24, 28, 44, 45, 54, 61, 64, 74, 75, 96, 100, 111, 120, 146, 152, 168, 174, 175, 185, 186, 188, 205, 220, 247, 253, 258. (In Russ.).

Leibovich, Ya. (1923). *1000 modern suicides (a sociological essay).* Moscow: Glavlit. 20 p. (In Russ.).

Leibovich, Ya. (ed.). (1931). *Handbook of forensic medical examination for doctors, investigative workers and judges.* Moscow: State Medical Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Natural movement of the population in Sibkray for 1925—1927. (1930). Novosibirsk: Sibkraitlo. 95 p. (In Russ.).

P. I. Makuscin/ (1926). In: *Sovetskaya Sibir'*, n. 128, p. 1. (In Russ.).

Serp. Measures have been taken (for the attention of all voters). (1926). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 16: 9. (In Russ.).

Siberian Region: a statistical reference book. (1930). Novosibirsk: [b. i.]. 805 p. (In Russ.).

Sovetskaya Sibir'. (1926). №№ 4, 6, 16, 36, 56, 61, 102, 112, 118, 128, 133, 135, 142, 143, 145, 176, 179, 207, 214, 242. (In Russ.).

Statistics of convicts in the USSR in 1925, 1926 and 1927. (1930). Moscow: [b. i.]. 256 p. (In Russ.).

Stubborn Suicide. (1927). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 77: 6. (In Russ.).

Stubborn Suicide. (1928). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 9: 4. (In Russ.).

Suicide. (1926). In: *Krasnoye Znamya*: [newspaper], 120: 4. (In Russ.).

Suicides. (1927). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 166: 4. (In Russ.).
Suicides in the USSR. 1922—1925. Proceedings of the Central Executive Committee of the USSR. Department of Moral Statistics. (1927). Moscow: [b. i.]. 77 p. (In Russ.).
Suicides in the USSR in 1925—1926. CSU. The sector of social statistics. (1929). Moscow: [b. i.]. 57 p. (In Russ.).
Vlast' truda (Irkutsk). (1926). №№ 4, 11, 30, 32, 38, 45, 49, 72, 74, 77, 78, 81, 104, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150, 155, 162, 171, 176, 257, 265. (In Russ.).
 Yaroslavsky Em. (1925). *On Party Ethics : Report of Comrade Yaroslavsky at the Plenum of the Central Control Commission.* Leningrad: Kubuch Publishing House. 30 p. (In Russ.).

References

- Bazanov, M. A. (2018). Suicide of Boris Yakovlevich Elkin: one of the episodes of the fight against the left opposition in Chelyabinsk (1927). *Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology*, 2: 46-63. (In Russ.).
- Bogdanov, S. V. (2020). *Behind the facade of NEP Russia: crime, alcoholism, drug addiction, prostitution, suicide: monograph.* Moscow: RUSAINS. 274 p. ISBN 9785466024654. (In Russ.).
- Durkheim E. (1897). *Le suicide : etude de sociologie.* Paris. 462 p.
- Filippov, P. A. (2015). *Professor Gernet Mikhail Nikolaevich: life and scientific and creative activity.* Moscow: IKD Zertsalo-M. 88 p. ISBN 978-5-94373-321-5. (In Russ.).
- Gilinsky, Ya. (2013). *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations": monograph.* St. Petersburg: Alef-Press Publishing House. 634 p. ISBN 978-5-905966-15-6. (In Russ.).
- Isaev, V. I. (2007). The life and death of engineer Pyotr Mikhailovich Zharkov. In: *Personality in the history of Siberia of the XVIII—XX centuries: a collection of biographical essays.* Novosibirsk: Sova Publishing House. 235—248. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1999). *Daily life of the Soviet city. Norms and anomalies. 1920s—1930s.* St., Petersburg: Neva. 320 p. ISBN 5-87516-133-7. (In Russ.).
- Lebina N. B. (2015). *Soviet everyday life: norms and anomalies of war Communism to a great style.* Moscow: UFO. 483 p. ISBN 978-5-4448-1950-0. (In Russ.). (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1994). The shadow sides of the life of the Soviet city of the 20—30s. *Questions of history*, 2: 30—42. (In Russ.).
- Malysheva, S. Yu. (2020). "It is better when it is decided for everyone": the individual and the social in the understanding of death in the notes of L. Ya. Ginzburg of the 1920s—1940s. *Ural Historical Bulletin*, 4 (69): 127-135. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-127-135. (In Russ.).
- Malysheva, S. Yu. (2017). "The good death" in the obituary discourse of the first Soviet decades. In: *The Era of Socialist Reconstruction: ideas, myths and programs of social transformation: a collection of scientific papers.* Yekaterinburg: Publishing House of the Urals. un-ta. 103—110. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Miroshnichenko, M. I., Zhuravleva, V. A. (2021). Historical and demographic analysis of suicides in the Urals in the 1920s. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 21 (4): 22-29. DOI: 10.14529/ssh210403. (In Russ.).
- Morozova, T. I. (2022). "... I am dying to become the secretary of the UKOM." The struggle for power in the Kirensky district of the Irkutsk province (September — December 1925). *Historical Courier*, 6 (26): 39—54. DOI: 10.31518/2618-9100. (In Russ.).

- Pinnow, K. M. (2010). *Lost to the collective: suicide and the promise of Soviet socialism, 1921—1929*. Ithaca; London: Cornell univ. press. XI, 276 p. ISBN 978-0-8014-4766-2.
- Tyazhelnikova, V. S. (1998). Suicide of communists in the 1920s. *Russian history*, 6: 158—173. (In Russ.).
- Vasilevsky, V. P., Sushko, A. V. (2016). Suicide among employees of the Soviet special services in the 1920s (on the example of the Omsk district department of the OGPU). *Voprosy istorii*, 6: 121-127. (In Russ.).

*The article was submitted 30.06.2024;
approved after reviewing 06.09.2024;
accepted for publication 19.09.2024.*